

Ефремов Николай Николаевич

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С НЕКОТОРЫМИ ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ)

Статья посвящена структурно-семантическому анализу синтаксических средств выражения эвиденциальности - изъянительных полипредикативных конструкций якутского языка бессоюзного типа в сопоставлении с алтайским, тувинским, татарским и турецким языками. Установлено, что в якутском языке данные конструкции характеризуются своеобразными синтаксическими формами, отличными, чем в сопоставляемых языках.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 70-72. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.512.157:81'37

Филологические науки

Статья посвящена структурно-семантическому анализу синтаксических средств выражения эвиденциальности – изъяснительных полипредикативных конструкций якутского языка бессоюзного типа в сопоставлении с алтайским, тувинским, татарским и турецким языками. Установлено, что в якутском языке данные конструкции характеризуются своеобразными синтаксическими формами, отличными, чем в сопоставляемых языках.

Ключевые слова и фразы: якутский язык; изъяснительные полипредикативные конструкции; зависимое сказуемое; форма условного наклонения; эвиденциальность.

Ефремов Николай Николаевич, д. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук

nik.efrem50@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С НЕКОТОРЫМИ ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ)[©]

В якутском языке эвиденциальность, под которой подразумевается обозначение источника сообщаемой информации, выражается морфологическими и синтаксическими средствами [4].

В нашей статье рассматриваются синтаксические средства выражения эвиденциальности в якутском языке в сопоставлении с алтайским, тувинским, татарским и турецким языками. В качестве объекта исследования выбраны якутские изъяснительные полипредикативные конструкции (далее – ППК) с зависимым предикатом, выраженным второй формой условного наклонения, которая представляет собой форму древнего падежа неопределенного причастия: причастие на *-тах* + аф. лица субъекта + показатель древнего местного падежа *-на*. Вторая форма условного наклонения – «чисто якутская форма, не имеющая в плане наклонений, параллелей в других тюркских языках» [3, с. 326]. Она, присоединяясь к основе глаголов с семантикой восприятия информации, участвует в оформлении зависимого сказуемого изъяснительных ППК. Подобные конструкции функционируют в качестве средств выражения перцептуальной эвиденциальности [6, с. 71], основанной на сенсорике. Когда главное сказуемое характеризуется перфектной формой или частицей *эбит* 'оказывается', рассматриваемыми конструкциями может обозначаться значение неожиданности (миративности) события, описываемого главной предикативной единицей (далее – ГПЕ): *Арай Кириһээн бу туран көрдөһүнэ: били маньыһыт бинтиэпкэтин быраһан кэбиститэ чугас соһус сытар эбит* [9, с. 34]. / Вот стоит Хрисанф и **видит: оказывается**, недалеко **лежит** винтовка, которую забросил тот самый караульный (в ГПЕ представлено явление, которое воспринимается субъектом зависимой предикативной единицы (ЗПЕ) и расценивается им как неожиданное).

В тюркских языках перфектные формы тоже могут выражать значения «неожиданности (миративности – Н. Е.) для говорящего второй фазы (результата действия – Н. Е.) или недостоверности – первой» [8, с. 413].

В якутском языке перцептуальная эвиденциальность, осложненная миративностью, выражается также аналитическими бипредикативными конструкциями с зависимым предикатом, представленным глагольной формой на *-быт* с показателем 1-го или 3-го лица: *Уол көрө түспүтэ, суду бэйэлээх күтүр улахан хотой бу түһэн эрэр эбит ээ* [2, с. 20]. / Парень **вдруг взглянул (и увидел)**, **ведь оказывается**, **вот уже начал опускаться** (на него) огромный, чудовищно большой орел.

В алтайском языке зависимый предикат обсуждаемых ППК в отличие от якутского языка обозначается формой на *-са*, которая является параллелью якутской условной формы на *-тар* (<древнетюркская *-сар*): алт. (алтайский язык) *Байдый т [женип] жатса* (якут. *түһээтэһинэ* – Н. Е.) *актар катан ла тудуп алган, шылуга апарып жаткан эмтир* [7, с. 129]. / Байдый **видит во сне**, будто белые снова схватили его, ведут на допрос; алт. *Келип көрзө* (якут. *кэлэн көрдөһүнэ* – Н. Е.), *кыстар одындагылап j [рген] эмтир* [1, с. 167]. / **Когда он подошел, он увидел**, что девушки (**оказывается**) **собирают** дрова.

В тувинском языке *-са* характеризуется как «глагол в форме деепричастного типа», которая при выражении обсуждаемой семантики осложняется выделительной частицей *ла* [10, с. 152]. При этом в тувинском языке ЗПЕ «в качестве субъекта действия должна подразумевать человека, способного видеть и оценивать увиденное, конструкция представляет одно из средств выражения миратива и эвиденциальности» [Там же, с. 153]: тув. (тувинский язык) *Хенертен дурс-дарс диге-ле* (якут. *тыһаабытыгар* – Н. Е.), *снарядтар ындамында частып эгелээн* [Там же]. / **Вдруг раздался треск**, (когда посмотрел, **оказалось, что**) снаряды там и сям начали взрываться; тув. *Бир эжик ажыттынган дег болза-даа* (якут. *аһыллыбытыгар* – Н. Е.), *ханазы көрүнчүк бичежеск өрээлче улус шуужуп кире берди* [Там же]. / **Когда открылась** какая-то дверь, (**оказалось что**) люди зашли в маленькую комнату, стены которой были сплошь зеркальные; тув. *Келзе-ле* (якут. *кэлбитэ* – Н. Е.), *уруун ушкарган Хаяжык* [Там же]. / **Когда приехал, (оказалось, что)** это Ханжык,

посадивший сзади себя на коня дочку. Кроме того, в этом языке имеют место также ППК с падежной формой =ар + аффикс лица + =га: *Миннип кэ=эр=им=гэ* (якут. *өйдөнөн кэлбитим – Н. Е.*)... *угларым кырымче суг куткан турлар* [Там же, с. 156]. / **Когда я опомнился, оказалось**, дети мои на меня воду льют. В татарском языке (тат.) анализируемые фразы могут передаваться ППК с показателем местного падежа, например формы *-ганда, чагын-да*: тат. *Гафиятулла айланеп кайтканда* (якут. *кэлбитэ – Н. Е.*) *Кушкаенда инде төп хуҗа булып совет власте утырган булган* [5, с. 491]. / **Когда** Гафиятулла **вернулся**, в Кушкаене, **оказывается**, уже полным хозяином установилась советская власть; тат. *Кабат уянган чагын-да* (якут. *уһуктан кэлбитэ – Н. Е.*) *кояш инде шактый күтөрөлгән иде* [Там же]. / **Когда** он вторично **проснулся**, солнце уже высоко поднялось (=было поднявшимся).

В турецком языке сложные предложения с союзом *ki* могут описывать значение перцептуальной эвиденциальности (например, слуховое восприятие сообщаемого явления): *İşittim ki, Müsteşar karısını boşayacakmış* [1, с. 165]. / Я услышал, **что** советник разведётся с женой. В турецком языке глаголы зрительного восприятия могут употребляться в тексте, а не именно в том же предложении [Там же, с. 166]: *Şemsi'nin oda kapısının önünden geçerken anahtar deliğinden baktı. Yatmış* [Там же]. / Когда он проходил мимо двери комнаты Шемси, он **взглянул** через замочную скважину: (видно, что) тот уже спал.

В якутском языке конструкции подобного типа тоже встречаются. При этом обычно изменяется характер лексико-грамматического наполнения синтаксической позиции сказуемого препозитивного предложения. В нижеследующем примере сказуемое препозитивного предложения выражено, в отличие от турецкого, глаголом движения: якут. *Суоннуһа таһырдыа ыстанна. Арай баараһай тиит саһа кииһи бу барыйан турар эбит* [9, с. 25]. / Софья **выскочила** на улицу. Вдруг, **оказалось**, вот перед ней **стоит**, словно огромная **тень**, человек ростом с большую лиственницу.

Таким образом, рассмотренные изъяснительные конструкции являются синтаксическими средствами выражения перцептуальной эвиденциальности. Как показывает анализ, якутские конструкции, выражающие обсуждаемый тип эвиденциальности, представлены своеобразными средствами, отличными в сопоставляемых языках. Якутские ППК, передающие перцептуальную эвиденциальность, характеризуются предикатом во второй форме условного наклонения (*-тах + афф. л. + -на*) или в форме причастия *-быт* 1-го или 3-го лица, тогда как в алтайском и тувинском языках зависимое сказуемое обсуждаемых ППК передается условной формой на *-са/за*. При этом в тувинском языке зависимый предикат снабжается частицей *ла*, а также может оформляться причастием в дательном падеже. В татарском языке в подобной функции могут употребляться ППК с показателем связи в форме местного падежа, а в турецком языке возможно использование ППК с союзом *ki*.

Основные результаты сопоставительного изучения обсуждаемых средств в сопоставляемых языках представим в следующей таблице.

Таблица.

**Синтаксические средства выражения перцептуальной эвиденциальности
в якутском, алтайском, тувинском, татарском и турецком языках**

Якутский язык	Алтайский язык	Тувинский язык	Татарский язык	Турецкий язык
Вторая форма условного наклонения – <i>тах + афф. лица + на</i> (местный падеж); причастие на <i>-быт</i> в форме лица	Форма условного наклонения – <i>-са/-за</i> (структурная параллель первой формы условного наклонения в якутском языке – <i>-тар</i>)	Форма условного наклонения – <i>-са/-за + ла</i> ; причастие в дательном падеже	ППК с показателем связи в форме местного падежа	ППК с союзом <i>ki</i>

Список литературы

1. Баджанлы Эйюп. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте (в сопоставлении с алтайским языком): дисс. ... к. филол. н. М., 2005. 206 с.
2. Босиков Н. Тья. Дьокуускай: кинигэ изд-вота, 1989. 144 с.
3. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 496 с.
4. Ефремов Н. Н. Категория эвиденциальности в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке: каузативность, эвиденциальность, итеративность / Н. И. Данилова, Н. Н. Ефремов, Е. М. Самсонова. Новосибирск: Наука, 2013. С. 72-177.
5. Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Невская И. А., Шенцова И. В. Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. С. 469-518.
6. Кадырова Л. Б. Выражение косвенной пересказываемости глаголами английского и татарского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (26). Ч. 1. С. 71-73.
7. Скрибник Е. К., Озонава А. А. Средства выражения засвидетельствованности и миративности в алтайском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск: ООО «Ника», 2005. С. 120-146.
8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 560 с.
9. Таас Дмитрий. Сырдык аартык. Дьокуускай: Бичик, 2004. 288 с.
10. Шамина Л. А. Средства выражения эвиденциальности и миративности в тувинском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск: ООО «Ника», 2005. С. 146-158.

SYNTACTIC MEANS OF EVIDENTIALITY EXPRESSION IN THE YAKUT LANGUAGE
(IN COMPARISON WITH SOME TURKIC LANGUAGES)

Efremov Nikolai Nikolaevich, Doctor in Philology
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
nik.efrem50@mail.ru

The article is devoted to the structural and semantic analysis of syntactic means of expression of evidentiality – object poly-predicative constructions of the Yakut language of asyndetic type in comparison with the Altaic, Tuva, Tatar and Turkish languages. It is ascertained that in the Yakut language such constructions are characterized by distinctive syntactic forms different from those in the compared languages.

Key words and phrases: the Yakut language; object polypredicative constructions; dependent predicate; conditional mood form; evidentiality.

УДК 811.111-26

Филологические науки

В данной статье рассматривается образ военного в том виде, как он представлен в пьесе Р. Тайлера «The Contrast». Изучение этого образа позволяет увидеть контраст между военным, воплощающим в себе черты зарождающегося американского самосознания, и изящным джентльменом, потомком европейской культуры. Созданное в конце восемнадцатого века произведение Р. Тайлера демонстрирует патриотизм американского офицера, его безграничную заботу о своей стране и близких людях. Его отличают честность и порядочность, мужественность и храбрость.

Ключевые слова и фразы: образ; американский военный; изящный джентльмен; национальное самосознание; патриотизм.

Залесова Наталья Михайловна, к. филол. н.
Амурский государственный университет
znm80@list.ru

ОБРАЗ АМЕРИКАНСКОГО ВОЕННОГО В ПРОИЗВЕДЕНИИ Р. ТАЙЛЕРА «THE CONTRAST»[©]

Образ военного, несомненно, играет важную роль в формировании американской культуры. Его актуализация в произведениях эпохи появления нового государства демонстрирует проявление национального самосознания и американской идеологии. Как отмечают исследователи, именно идеология национализма стала ведущей в политике, философии и культуре Соединенных Штатов после революционной войны 1775 года, обеспечив стране полную и долговременную защиту от нежелательного влияния извне [2, с. 33]. Интересно проследить, каким видится образ военного американским писателям XVIII века и как в нем реализуются черты зарождающегося национализма и такие американские ценности как патриотизм и индивидуализм [1, с. 24-25].

Для анализа была выбрана пьеса Р. Тайлера «The Contrast» (1787 г. постановки), которая традиционно считается первой национальной комедией. Суть сюжета состоит в том, что изящный джентльмен мистер Димпл, помолвленный с мисс Марией по решению родителей, заводит роман с еще двумя девушками – мисс Летицией и мисс Шарлоттой. Полковник Мэнли разоблачает обман и в конце произведения решает жениться на мисс Марии, которая по достоинству оценила его качества: доброту, порядочность, скромность.

В первую очередь, следует отметить, что имя полковника выбрано автором неслучайно. Мэнли (Manly) в переводе с английского означает *мужественный, отважный, смелый, храбрый*. Уже в семантике имени заложены основные качества настоящего офицера. Положительную оценку его качеств дают и другие герои пьесы. Как заявляет Мария:

«The only safe asylum a woman of delicacy can find is in the arms of a man of honour. How naturally, then, should we love the brave and the generous; how gratefully should we bless the arm raised for our protection!» [3]. / «Только в объятиях честного мужчины хрупкая женщина может чувствовать себя в безопасности. Как это естественно любить храбрых и щедрых; как признательны должны мы быть тому мужчине, который встал на нашу защиту!» (Здесь и далее перевод наш – З. М.).

В данной цитате говорится о том, что только в объятиях честного мужчины женщина хрупкая и утонченная может чувствовать себя в безопасности. Такой мужчин храбр и щедр, и леди должна с благодарностью принимать его опеку. Актуализируемые понятия чести (a man of honour), смелости (brave), щедрости (generous) раскрывают внутренние качества полковника Мэнли и характеризуют его с лучшей стороны представителя военной касты.